

Александр Восьмой

Тени над железной башней

Александр Восьмой

Тени над железной башней

<https://litres.ru/74177964>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тени над железной башней. В гигантской башне, пронзающей облака, идёт невидимая война кланов. Молодой лазутчик должен пробраться на верхние этажи, где хранится артефакт, способный остановить надвигающуюся катастрофу — и не стать очередной тенью в коридорах. Главные герои Оптима, Фаргус и Даффи.

Александр Восьмой

Тени над железной башней

Глава 1. «Железный исполин: первый взгляд снизу»

Город внизу казался мёртвым, но башня жила. Она дышала сталью, гудела шёпотом тысяч механизмов, и даже ветер, врезавшийся в её грани, звучал не как ветер — а как низкий, протяжный стон, будто исполин просыпался от долгого сна.

Оптимист стоял на краю руин, запрокинув голову, и не мог уловить вершину башни. Она терялась в облаках, словно сама пыталась скрыться от человеческого взгляда. Снизу казалось, что это не здание, а остриё, пронзившее небо, граница между тем, что можно понять, и тем, что лучше не трогать. Стальные пластины отливали свинцовым блеском, будто были покрыты не краской, а самой тенью. В стыках между ними гудели потоки воздуха, и каждый такой порыв нёс с собой запах окалины и чего-то ещё — едкого, металлического, будто сама башня пахла кровью машин.

Фаргус стоял рядом, не поднимая головы, но его взгляд скользил по фасаду, выхватывая детали, которые обычный человек не заметил бы: мерцание датчиков, едва заметные сдвиги панелей, ритм, с которым двигались защитные экраны. Его лицо оставалось неподвижным, но в глазах читалась усталость — и знание. Он видел башни и раньше. Он знал, что за каждым окном может прятаться прицел, за каждой те-

ную — ловушка, а за каждым тихим звуком — приказ об уничтожении.

— Каждый этаж — крепость, — тихо произнёс Фаргус, не глядя на Оптима. — А между этажами — лабиринт, который меняется, когда ты моргаешь. Здесь не бывает двух одинаковых маршрутов.

Даффи, стоявший чуть поодаль, прислонился к обломку стены и ухмыльнулся, но в этой ухмылке было больше напряжения, чем веселья.

— Даже тени тут умеют прятаться, — бросил он, постукивая пальцами по рукояти ножа. — И, судя по всему, они не очень любят гостей.

Оптима сглотнул. Он был лазутчиком — тем, кто должен пробираться туда, где другим не пройти. Но сейчас даже его навыки казались слишком мелкими для этой громады. Башня не просто подавляла размером — она заставляла чувствовать себя пылинкой, случайно попавшей в механизм, который не предназначен для таких, как он.

Они стояли у подножия, у самой границы, где бетон обрывался, уступая место монолитному основанию башни — массивному, словно высеченному из одного куска металла. Здесь не было дверей, которые приглашали бы войти. Не было вывесок, указателей, ничего, что говорило бы: «Добро пожаловать». Только ряды датчиков, сканирующих пространство, и тонкие линии лазеров, едва заметные в сумерках, но безжалостные, как лезвия.

— Нам нужно найти брешь, — сказал Фаргус, наконец отрывая взгляд от фасада. — Что-то, что башня не считает угрозой. Что-то маленькое. Незаметное.

Оптима кивнул, но внутри всё сжималось. Он знал: в таком месте «маленькое и незаметное» — это не преимущество, а приговор. Башня могла просто не заметить их... пока не решит, что пора заметить.

Даффи оттолкнулся от стены и сделал шаг вперёд, к первой линии защиты.

— Может, попробуем постучать? — пошутил он, но тут же посерьёзnel, когда один из датчиков на мгновение замер, будто прислушиваясь. — Или, может, не надо.

Фаргус хмыкнул — единственный звук, который можно было принять за смех в его исполнении.

— Здесь не стучат, — сказал он. — Здесь выжидают. И ждут, пока враг сам выдаст себя.

Оптима снова посмотрел вверх. Где-то там, на недостижимой высоте, хранился артефакт — вещь, способная остановить надвигающуюся катастрофу. Но чтобы добраться до него, нужно было не просто пройти сквозь оборону башни. Нужно было обмануть её. Обмануть её слух, её зрение, её память. И не стать очередной тенью в её бесконечных коридорах.

Ветер снова ударил по башне, и на этот раз звук был похож на вздох — тяжёлый, глубокий, будто исполин наконец заметил их и теперь решал, стоит ли тратить на них время.

Оптима крепче сжал рукоять своего клинка. Он не знал, что ждёт их внутри. Но знал одно: если они не найдут путь сейчас, другого шанса может не быть.

— Я пойду первым, — тихо сказал он, не столько предлагая, сколько констатируя факт. — Если что-то пойдёт не так...

Фаргус коротко кивнул, не перебивая.

— Мы будем рядом, — произнёс он. — Но помни: здесь даже тишина может быть ловушкой.

Даффи хмыкнул, достал из кармана маленький прибор и начал настраивать его, не сводя глаз с ближайших датчиков.

— А я сделаю так, чтобы эта тишина немного пошумела, — пробормотал он. — В хорошем смысле.

И с этими словами он активировал устройство. Тонкий, почти неслышный импульс разошёлся по воздуху, на мгновение сбивая работу ближайших сенсоров. Этого было достаточно — крошечного окна, щели в броне исполина.

Оптима сделал первый шаг.

Башня замерла.

Или ему так показалось.

Он шёл, чувствуя, как каждый его шаг отдаётся в груди, будто башня считывала не только движение, но и пульс. Впереди мерцала линия лазера — тонкая, как волос, но способная рассечь сталь. Оптима пригнулся, скользнул под ней, замер на мгновение, прислушиваясь к тишине, которая теперь казалась оглушающей.

Где-то вверху, в недостигаемых высотах, ждал артефакт. И где-то в этих стальных лабиринтах ждали те, кто не хотел, чтобы он туда добрался.

Но сейчас была только эта секунда — между вдохом и выдохом, между шагом и падением. И в этой секунде Оптима понял: башня не просто огромна. Она бесконечна в своём намерении не пустить их дальше.

И именно поэтому они должны были пройти.

Глава 2. «Подбрюшье гиганта: вход через тишину»

Они пробирались вдоль основания башни, где сталь становилась не фасадом, а кожей — толстой, многослойной, испещрённой швами, будто исполин был сшит из тысяч пластин. Здесь, у самой земли, масштаб башни ощущался иначе: не высотой, а массой. Казалось, что сама гравитация здесь плотнее, будто гигантская конструкция вдавливала мир под собой, сменяя привычные законы пространства.

Тоннели под башней напоминали вены и артерии чудовищного организма — гулкие, тёмные, пульсирующие от вибрации. Кабели толщиной с руку змеились по стенам и исчезали в люках, уходили вверх, теряясь в темноте, откуда доносился низкий, непрерывный гул — будто башня разговаривала сама с собой на языке электричества. Воздух был тяжёлым, пропитанным запахом окалины, горячего металла и чего-то кислого, будто ржавчина здесь рождалась быстрее, чем успевала стареть.

Оптимист шёл впереди, двигаясь почти бесшумно, его пальцы скользили по шероховатой поверхности стен, ловя малейшие колебания. Он чувствовал, как вибрация передаётся через подошвы ботинок, поднимаясь по ногам, проникая внутрь, смешиваясь с собственным пульсом. Каждый шаг отдавался в груди, словно башня проверяла: «Ты ещё жив? Ты ещё смеешь идти?»

— Тут что-то не так, — тихо произнёс Оптимист, останавливаясь у очередного стыка. — Смотри.

Фаргус подошёл ближе, прищурившись. На стальной пластине виднелись странные следы — не царапины, не вмятины, а будто металл плавился изнутри, растекаясь и застывая неровными волнами. Поверхность была гладкой, но с пугающей текучестью, как застывшая лава.

— Это не работа обычных механизмов, — глухо сказал Фаргус, проводя пальцем по краю оплавленного участка. — Такое бывает, когда энергия идёт не туда. Или когда кто-то намеренно ломает структуру.

Даффи, который всё это время возился с панелью у стены, хмыкнул и поднял голову. В его руках была старая карта этажей — потёртая, с выцветшими линиями, местами прожжённая.

— Нашёл, — прошептал он, хотя в этом гулком пространстве любой звук казался криком. — Но смотри...

Он развернул карту так, чтобы её видели все. Часть меток была перечёркнута грубыми чёрными линиями — не акку-

ратно, а яростно, будто кто-то хотел не просто скрыть путь, а стереть его из реальности. Некоторые коридоры были закрашены полностью, другие — помечены странными символами, похожими на руны или коды.

— Кто-то намеренно стёр путь наверх, — пробормотал Даффи, постукивая пальцем по перечёркнутому участку. — Будто не хотел, чтобы кто-то знал, как выбраться. Или как попасть туда, куда не надо.

Оптимист наклонился ближе, всматриваясь в детали. На карте были отмечены не только этажи, но и скрытые переходы, аварийные шахты, вентиляционные колодцы — всё то, что могло стать путём наверх. Но теперь эти пути были уничтожены, стёрты, будто сама башня хотела остаться непроходимой.

В этот момент тишина, которая до этого казалась почти осязаемой, треснула.

Датчики, до этого молчавшие, вдруг ожили. Тонкие лучи лазеров вспыхнули, прорезая темноту, сканируя пространство, ощупывая каждый угол, каждую тень. Где-то вверху, в лабиринтах тоннелей, раздался резкий, пронзительный вой сирены — не просто сигнал, а крик, разрывающий воздух. Он эхом прокатился по коридорам, отражаясь от стен, усиливаясь, превращаясь в какофонию звуков, будто башня наконец-то заметила незваных гостей и теперь злилась.

— Бежим! — крикнул Даффи, срываясь с места.

Оптимист рванул вперёд, чувствуя, как каждый его шаг те-

перь был не просто движением, а вызовом. Фаргус прикрывал тыл, его взгляд оставался холодным, расчётливым — он видел не хаос, а маршруты, точки укрытия, возможные ловушки.

Они мчались по тоннелю, мимо кабелей, которые теперь казались живыми — они пульсировали, искрили, будто реагируя на вторжение. Стены сжимались, пространство становилось теснее, будто башня пыталась их раздавить, сжать в комок и поглотить.

За спиной слышался металлический лязг — тяжёлые двери, которые до этого были закрыты, теперь сдвигались, перекрывая пути отхода. Башня не просто защищалась — она охотилась.

Оптимист завернул за угол, едва успев пригнуться — над головой пронеслась струя искр, осыпав его плечи горячими каплями. Впереди виднелся узкий проход, ведущий вниз, в ещё более глубокие уровни.

— Туда! — крикнул он, указывая на проход.

Фаргус кивнул, не тратя время на слова. Даффи уже был впереди, его пальцы летали над панелью, пытаясь взломать систему, открыть дверь, выиграть ещё несколько секунд.

Дверь с грохотом отъехала в сторону, и они ворвались внутрь, едва успев проскочить перед тем, как она захлопнулась за ними, отрезая путь преследователям. Но тишина, наступившая после воя сирен, была ещё страшнее — она означала, что погоня только начинается.

Внутри было темно, почти абсолютно. Только редкие аварийные лампы мигали тусклым красным светом, выхватывая из темноты фрагменты пространства — угол стены, край люка, тень, которая могла быть чем угодно.

Оптимист прижался к стене, пытаясь отдышаться. Его сердце колотилось так сильно, что казалось, будто оно пытается пробить себе путь наружу. Фаргус стоял рядом, его лицо было непроницаемым, но в глазах читалась решимость.

— Мы внутри, — тихо сказал он. — Теперь самое сложное — не дать башне вытолкнуть нас обратно.

Даффи усмехнулся, но в этой усмешке не было веселья — только напряжение и адреналин.

— Ну, раз уж мы здесь, — прошептал он, — давайте сделаем так, чтобы она нас запомнила.

И с этими словами он достал из кармана небольшой прибор, подключил его к ближайшей панели и начал вводить команды. Экран вспыхнул, показывая схему тоннелей — ту самую, которую они искали. Но теперь на ней начали появляться новые линии, новые маршруты, будто карта оживала, подстраиваясь под их нужды.

Оптимист снова посмотрел вперёд, туда, где тоннель уходил в темноту, обещая новые испытания. Башня была огромной, живой, безжалостной. Но теперь они знали: даже в её стальных лабиринтах можно найти путь. Нужно только не потерять себя по дороге.

И они двинулись дальше — в сердце исполина, туда, где

тишина была лишь затишьем перед бурей.

Глава 3. «Эхо в стальных венах: ловушки нижних уровней»

Тоннели больше не были просто коридорами — они стали лабиринтом, который дышал. Каждый поворот отзывался гулким эхом, будто башня не просто слышала их шаги, а запоминала, пересчитывала, оценивала. С потолка срывались редкие капли конденсата, но падали они с пугающей точностью — ровно туда, где секунду назад стояла нога Оптима. Казалось, даже гравитация здесь подчинялась воле исполнителя.

Охранные дроны появились без предупреждения — не с рёвом двигателей, а с тихим, почти музыкальным гулом, от которого волоски на коже вставали дыбом. Их корпуса, отливающие тусклым серебром, скользили между кабелями, как хищные рыбы в стальной реке. Красные оптические сенсоры сканировали пространство, выхватывая малейшее движение, малейшую тень.

— Они адаптируются! — выкрикнул Даффи, резко сворачивая в боковой проход. — Маршруты меняются прямо на ходу!

Оптимист метнулся следом, его пальцы мелькнули над панелью управления, выбивая короткую последовательность команд. Система наблюдения на мгновение моргнула, экраны погасли, но через секунду вспыхнули снова — уже с другой

логикой, будто башня переписала собственные правила.

— Не помогает! — крикнул он, голос дрогнул лишь на долю секунды, тут же выравниваясь. — Она перенастраивает цепи быстрее, чем я успеваю их ломать!

Фаргус замер у перекрёстка, его поза была обманчиво ослабленной, но в каждом мускуле чувствовалась готовность к удару. Тяжёлый патрульный модуль выкатился из темноты — массивная конструкция на гусеничных траках, с вращающимися турелями и датчиками, покрывающими каждый угол. Металл скрежетал о металл, искры летели фонтанами, а гул становился почти осязаемым — низким, вибрирующим, проникающим в кости.

— Держитесь позади! — коротко бросил Фаргус, и в его голосе не было ни страха, ни гнева — только холодная уверенность.

Он шагнул вперёд, навстречу модулю. Первый залп прошёл в сантиметрах от его плеча — стена за спиной взорвалась осколками, но Фаргус уже двигался, скользя вдоль стены, используя её как щит и трамплин. Его клинок, длинный и узкий, вспыхнул в полумраке, отражая свет аварийных ламп. Удар пришёлся точно в стык брони, туда, где гидравлические соединения были чуть слабее. Модуль дёрнулся, словно раненый зверь, его турели замерли на мгновение — этого хватило.

Фаргус не стал тратить время на второй удар. Он рванул панель на боку модуля, выдёргивая кабели один за другим.

Искры брызнули ему в лицо, но он даже не моргнул. Механизм захлебнулся, гусеницы замерли, а затем вся конструкция рухнула, сотрясая пол так, что по стенам пошли трещины.

— Минус один, — хрипло выдохнул Фаргус, отступая назад. — Но это не конец.

Даффи уже склонился над очередной панелью, его пальцы летали над сенсорной поверхностью, пытаясь взломать протокол изоляции.

— Секции закрываются! — его голос звучал напряжённо, но азартно. — Башня отрезает пути отхода, как будто хочет загнать нас в угол. Смотрите!

На экране вспыхнула схема: несколько коридоров, по которым они только что прошли, теперь были перечёркнуты красными линиями. Двери опускались, герметичные шлюзы защёлкивались, отсекая целые сегменты тоннелей. Башня не просто защищалась — она охотилась, загоняя добычу в ловушку.

Оптимизм замер, прислушиваясь не к звукам, а к тишине между ними. В этом стальном мире тишина была громче крика. Он провёл ладонью по стене, чувствуя, как вибрация меняется — не хаотично, а ритмично, будто под металлом билось сердце. И в этом ритме он уловил что-то странное: один участок стены вибрировал иначе — чуть тише, чуть глубже, будто скрывал пустоту.

— Здесь! — резко сказал он, указывая на неприметную

панель. — Чувствуете? Это не просто стена.

Фаргус подошёл ближе, его взгляд стал острым, как лезвие. Он постучал по металлу — звук был глухим, но не сплошным. Где-то за этой панелью была пустота.

— Скрытый проход, — пробормотал он. — Но куда он ведёт?

Даффи быстро пробежался по данным на своём устройстве, сопоставляя схему с тем, что видел Оптима.

— По карте здесь ничего нет, — тихо произнёс он, нахмурившись. — А если и есть, то зона помечена как «запретная». Даже названия нет — просто чёрный квадрат.

Оптима на мгновение замер, взвешивая риск. «Запретная» зона могла означать что угодно: от смертельной ловушки до ключа к верхним уровням. Но выбора не было — позади уже слышался новый гул: приближались новые дроны, их сенсоры сканировали каждый сантиметр.

— Нам туда, — твёрдо сказал Оптима. — Если башня не хочет, чтобы мы шли этим путём, значит, это и есть правильный путь.

Фаргус кивнул, не тратя слов на споры. Даффи сглотнул, но улыбка на его лице была скорее нервной, чем весёлой.

— Ну, раз уж мы решили стать легендой... — пробормотал он, активируя механизм открытия панели.

Створки разошлись с протяжным скрипом, будто не хотели выпускать то, что скрывали внутри. За ними была темнота — не обычная, а густая, поглощающая даже свет аварий-

ных ламп. Из прохода тянуло холодом, который не был просто отсутствием тепла — это был холод, который пробирался под кожу, шептал о забытых вещах и потерянных душах.

Они шагнули внутрь. Панель за ними закрылась с глухим ударом, отрезая путь назад. Теперь впереди была только неизвестность — и башня, которая, казалось, наблюдала за каждым их шагом, ждала, когда они ошибутся.

— Держите оружие наготове, — тихо сказал Фаргус, его голос звучал непривычно тихо в этой абсолютной тишине. — Здесь даже тень может быть врагом.

Оптимистичнее сжал рукоять клинка. Его сердце билось ровно, но в груди разливалось странное чувство — не страх, а предвкушение. Башня была огромной, безжалостной, живой. Но теперь они были не просто гостями — они были разрушителями, теми, кто осмелился бросить вызов её законам.

И они шли вперёд, в самое сердце исполина, туда, где эхо становилось громче голосов, а тени обретали форму.

Глава 4. «Зона без имён: где исчезают тени»

Они шагнули в «запретную» зону — и мир изменился. Не резко, не с грохотом, а тихо, почти незаметно: будто кто-то повернул ручку громкости и выкрутил её в минус, оставив лишь глухое эхо, которое звучало не снаружи, а внутри головы. Воздух стал тяжелее, гуще — он ложился на плечи, как мокрый плащ, и каждый вдох давался чуть труднее, будто башня забирала часть кислорода себе, оставляя людям лишь

крохи.

Коридор, в который они попали, не походил на те технические тоннели, что были раньше. Здесь не было кабелей толщиной с руку, не было гула механизмов, не было даже привычного металлического блеска. Стены были покрыты странными символами — не буквами, не цифрами, а чем-то средним между рунами и схемами. Они будто пульсировали в такт невидимому ритму, то проявляясь чётче, то растворяясь в текстуре металла, словно башня пыталась стереть даже саму память о них.

Оптимашёл первым, но теперь его движения стали осторожнее, будто он боялся спугнуть тишину. Он чувствовал, как время здесь течёт иначе: секунды растягивались, превращаясь в тягучие, вязкие мгновения, в которых каждый звук — шорох подошвы, скрип ремня, даже биение собственного сердца — звучал отдельно, сам по себе, без связи с остальным миром. Ему казалось, что если он сделает шаг чуть быстрее, то может просто выпасть из этого искажённого времени, как камешек, выскользнувший из ладони в бездонную пропасть.

Фаргус держался позади, его взгляд скользил по стенам, по полу, по каждому тёмному углу, но даже его привычная хладнокровная собранность сейчас казалась натянутой, как струна. Он остановился у груды снаряжения — потрёпанные рюкзаки, разбитые панели, пустые магазины, чьи-то перчатки, так и оставшиеся лежать, будто их владелец просто рас-

творился в воздухе. Никаких тел. Ни костей, ни следов борьбы — только вещи, брошенные в спешке или оставленные навсегда.

— Это не просто заброшенная секция, — тихо произнёс Фаргус, не поднимая головы. — Это могильник. Башня не убивает — она стирает.

Даффи хотел было отпустить привычную шутку, чтобы развеять гнетущую атмосферу, но слова застряли у него в горле. Он кашлянул, будто пытаясь вернуть голосу привычную лёгкость, и вместо шутки пробормотал:

— Тут даже шутить страшно. Голос будто не мой.

И это было правдой. Его голос звучал тише, глуше, будто пространство поглощало не только эхо, но и саму суть звука, оставляя лишь бледную тень того, что было сказано.

Оптимист коснулся стены — металл под пальцами был холодным, но не просто холодным, а будто высасывающим тепло. Символы под его ладонью на мгновение вспыхнули тусклым голубоватым светом, а затем погасли, словно испугавшись прикосновения. В этот момент он понял то, что уже давно витало в воздухе, но не имело формы: башня не была просто зданием. Она была чем-то большим — механизмом, организмом, сознанием. Она наблюдала, оценивала, решала, кому позволить остаться, а кого стереть из реальности.

— Она живая, — прошептал Оптимист, скорее себе, чем остальным. — Или, по крайней мере, у неё есть воля. И она не хочет, чтобы мы шли дальше.

Фаргус кивнул, не споря. Спорить здесь было бессмысленно — факты лежали перед ними, холодные и безмолвные, как останки тех, кто пришёл сюда до них.

— Значит, будем идти так, будто она нас не видит, — спокойно сказал он, застёгивая куртку плотнее, будто это могло защитить не только от холода, но и от внимания башни. — Шаг за шагом. Без спешки. Без лишних движений.

Они двинулись дальше, и с каждым шагом сопротивление росло. Не физическое — не стены сдвигались, не пол проваливался, — а само пространство будто становилось плотнее, тяжелее, словно они пробирались сквозь застывающий желеобразный воздух. Каждый шаг требовал усилий, будто гравитация здесь была не постоянной величиной, а переменчивой прихотью исполина.

В какой-то момент Оптима остановился. Впереди коридор разветвлялся, но обе ветви выглядели одинаково — одинаково чуждо, одинаково безжизненно. На стыке развилки висел старый знак — почти стёртый, едва различимый. Он не указывал направление, не предупреждал об опасности — он просто был, как напоминание о том, что когда-то здесь ходили люди, которые знали, куда идут.

— Мы не можем стоять, — тихо сказал Даффи, оглядываясь назад, будто ожидая увидеть там не пустой коридор, а что-то, что вот-вот появится из темноты. — Если остановимся, она нас проглотит.

Фаргус посмотрел на него, и в его взгляде мелькнуло что-

то похожее на одобрение.

— Тогда идём, — сказал он. — Не потому, что знаем, куда. А потому, что стоять — значит сдаться.

Оптима сделал шаг в левую ветвь коридора. Металл под ногой отозвался не звуком, а вибрацией — короткой, острой, будто башня почувствовала прикосновение и вздрогнула. Символы на стенах вспыхнули разом, на долю секунды осветив пространство холодным светом, в котором тени казались не просто тенями, а самостоятельными существами, скользкими по границам света.

И в этом мгновении Оптима увидел то, чего не заметил раньше: среди символов на стене был один, который не пульсировал вместе с остальными. Он оставался неподвижным, чётким, будто был вырезан не в металле, а в самой структуре этой зоны. И он указывал вперёд — не стрелкой, не линией, а самим своим присутствием, своей неподвижностью среди хаоса.

— Туда, — тихо сказал Оптима, указывая на этот символ. — Он не меняется. Значит, он настоящий.

Фаргус прищурился, всматриваясь в узор, и медленно кивнул.

— Хорошо. Веди. Но медленно. Здесь даже правильный путь может быть ловушкой.

Они пошли вперёд, и с каждым шагом тьма будто отступала, но не потому, что становилось светлее, а потому, что их глаза привыкали к этому странному, искажённому миру.

Символы продолжали мерцать, воздух оставался тяжёлым, время продолжало течь по своим законам, но теперь они не просто шли — они сопротивлялись. Не башне, не её воле, а тому, чтобы стать ещё одной тенью, забытой в её стальных лабиринтах.

Где-то впереди, за пределами этой зоны, ждали верхние этажи, артефакт, катастрофа, которую нужно было остановить. Но сейчас, в этой мёртвой тишине, среди забытых вещей и исчезающих теней, их главной целью было просто остаться собой — не раствориться в воле исполина, не стать частью его памяти, которую он рано или поздно сотрёт.

И они шли, шаг за шагом, сквозь сопротивление башни, сквозь её молчание, сквозь её попытки стереть их из реальности. Потому что пока они двигались, они существовали. А пока они существовали — у них был шанс.

Глава 5. «Перекрёстки силы: столкновение кланов»

Когда они вырвались из «мёртвой зоны», мир будто взорвался звуками. После гнетущей тишины, где даже дыхание казалось преступлением, грохот битвы ударил по ушам, как удар молота по наковальне. Стены вокруг них не просто дрожали — они жили, дышали, двигались: тяжёлые сегменты бронированных панелей скользили по направляющим, открывая новые проходы и тут же запечатывая старые, будто башня сама выбирала, кому дать путь, а кого отрезать.

Перекрёсток, на который они вышли, был не просто узлом

коридоров — это была арена. Здесь сталкивались не только люди, но и сама архитектура: каждый залп, каждый удар отзывался в структуре башни, заставляя её менять форму. Бойцы двух враждующих кланов метались между сдвинувшимися стенами, их доспехи сверкали в свете аварийных ламп, а оружие вычерчивало в воздухе огненные линии. Один клан носил броню цвета грозовой тучи — тяжёлую, угловатую, рассчитанную на прямой удар. Второй — лёгкие пластины с мерцающими вставками, будто впитавшими свет: они двигались быстрее, били точнее, но уступали в защите.

Оптимизм замер на краю площадки, его взгляд жадно выхватывал детали: маршруты, укрытия, слабые места. Он видел, как бойцы не просто сражаются друг с другом — они сражаются с самой башней. Один из воинов в лёгкой броне прыгнул к стене, рассчитывая на выступ, но выступ исчез за долю секунды до приземления — стена сдвинулась, и боец рухнул вниз, в открывшийся провал. Другой, из тяжёлого клана, пытался активировать панель, чтобы открыть проход, но система не отвечала — или отвечала неправильно: вместо двери перед ним развернулся шлюз, отрезавший его от отряда.

— Они не контролируют пространство, — прошептал Оптимизм. — Они пытаются выжить в том, что оно делает.

Фаргус стоял рядом, его лицо было каменным, но в глазах читалась холодная ярость. Он узнал одного из командиров — мужчину в тяжёлой броне с характерной насечкой на наплечнике. Тот самый, кто когда-то предал его отряд, оставив

их умирать в ловушке на нижних уровнях. Время не стёрло эту обиду — оно только заострило её, как лезвие, которое точат годами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.